

ДЕТЕКТИВ-НОСТАЛЬГИЯ

ЕВГЕНИЙ НОВИЦКИЙ

Хланушка
с прицелом

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Н73

Художник — Алексей Дурасов

Новицкий, Евгений Игоревич.

Н73 Хлопушка с прицелом / Евгений Новицкий. — Москва : Эксмо, 2023. — 320 с.

ISBN 978-5-04-172817-5

Начало 1960-х годов. За кинорежиссером Германом Графовым прочно закрепилась репутация неудачника. Единственный снятый им фильм оказался провальным, новых работ на киностудии не предвидится. Герман считает, что стать известным ему не дают более успешные конкуренты. В отчаянье он вместе с любовницей решает устранить их. Каждый раз, изобретая новый способ, Графов одного за другим убивает знаменитых кинематографистов. Преступной парочке удается ловко скрываться от милиции. Но однажды выясняется, что за их злодеяниями внимательно следит невидимый свидетель...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Новицкий Е.И., 2023

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2023

ISBN 978-5-04-172817-5

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЕРМАН

1

Кинорежиссер Герман Графов лежал в постели, курил и сердито переговаривался со своей любовницей Галиной.

— Нет, ну ты подумай, — жаловался Герман, — куда ни плюнь — всюду статьи об этом «Воскресении»! И причем все — хвалебные... Ну хоть бы один какой-нибудь писака вывалял это ничтожное «Воскресение» в грязи... Так ведь нет же — поют дифирамбы! «Удачное переложение классики»... «Герои Толстого предстают на экране как живые»... Ты представляешь: как живые! Как будто они хоть когда-нибудь были живыми, эти самые персонажи... А уж в фильмах Жнейцера живых людей попросту не бывает, о чем бы он ни снимал! У него одни только безликие манекены — всегда, везде...

— Ну перестань, перестань, — попыталась успокоить Германа Галина. — Мало ли что пишут... Это еще ни о чем не говорит. Думаешь, публике охота смотреть такую скучищу?

— Разумеется, неохота, — согласился Герман. — Это же худшее произведение Толстого!

Абсолютно вымученное, ничтожное, никчемное... Такая тягомотина, что просто на зубах вязнет... Подобную ерундистику только Жнейцеру и снимать...

— Вот видишь! — негромко воскликнула Галина.

Но Герман продолжал возмущаться:

— Если бы за успех у нас отвечал только зритель, я бы и внимания не обратил на это паскудное «Воскресение». Но ведь это не так! У нас же все шиворот-навыворот, сама знаешь... Кого партия одобрит, тот и в дамках...

— Ну уж, — усомнилась Галина. — Какое дело партии до экранизаций допотопных романов...

— Не скажи, не скажи, — покачал головой Герман. — Партия, видишь ли, печется о престиже нашей страны, особенно за рубежом. Как бы в наших газетах ни клеймили Запад, на деле партия только и ждет, как бы на этом самом Западе прогреметь... И не важно с чем: с балетом, с космосом... или вот с трупом Льва Толстого...

Галина хмыкнула:

— Хочешь сказать, они это «Воскресение» за рубеж отправят?

— Как пить дать, — скривился Герман. — И по фестивалям разошлют, и в прокат продадут. В европейский, а может, и в американский...

— Да ладно! — отмахнулась Галина. — Уж там это тем более никому не интересно.

— Ошибаешься, — сказал Герман. — В Европе, видишь ли, немало снобов. И, в отли-

ХЛОПУШКА С ПРИЦЕЛОМ

чие от наших московских, снобы европейские не просто рассуждают о своей причастности к так называемой высокой культуре. Они эту самую культуру еще и потребляют. Давятся, насилуют себя — но все же потребляют. В частности, исправно ходят на премьеры определенных фильмов. Обычно тех, которые снимают Бергман, Феллини, ну и другие такие же заумные модернисты... Помнишь, мы в Доме кино смотрели «Дорогу» этого самого Феллини?

— Помню, — усмехнулась Галина. — Такая тоска...

— Вот именно, — подтвердил Герман. — Но тем не менее эта картина прославилась на весь мир. И славу ей сделали как раз эти кретины-снобы...

— Ну хорошо, — перебила Галина, — а наш Жнейцер-то здесь при чем? Неужели европейские снобы и его смотрят? Я удивлюсь, если они хотя бы знают о его существовании...

— Разумеется, не знают, — отвечал Герман. — Но зато знают о существовании Достоевского и Толстого. Они их даже, представь себе, читают! В отличие от нашей доморощенной интеллигенции, которая не читает ничего, кроме «Нового мира»...

— Наши еще самиздат читают, — вставила Галина.

— Да, случается, — не стал спорить Герман. — Но в самиздате Достоевского и Толстого не печатают. Они же у нас и так изданы — официально.

Причем огромными тиражами. И потому тупой нашей интеллигенции Толстой и Достоевский неинтересны. Чуть менее тупой европейской интеллигенции Лева с Федей тоже до лампочки, но тем не менее их там читают... Вообще, все, что европейцы знают о России, они почерпнули у этих двух писателей...

2

Любовники замолчали.

— Нет, ну почему же так? — произнесла вдруг Галина. — Ведь наши с тобой фильмы гораздо лучше, интереснее, талантливее того, что снимает Жнейцер и ему подобные...

— А ты бы объяснила это Комиссии по определению категорий, — горько усмехнулся Герман. — Они ведь неизменно присуждают мне вторую категорию! А жнейцерам — завсегда первую, какую бы паршивую дрянь они ни выдавали...

— Все-таки почему же так происходит? — не успокаивалась Галина. — Должно ведь быть какое-то объяснение...

— Тут много всего, — поморщился Герман. — Прежде всего, жнейцеры — конъюнктурщики. Я-то снимаю только то, что лично мне нравится, а они, понимаешь, — то, что понравится начальству...

— Неужели начальству может понравиться такая чепуха, как «Воскресение»? — недоуменно сказала Галина.

ХЛОПУШКА С ПРИЦЕЛОМ

— Опять ты за свое, — вздохнул Герман. — Говорю же: никому это не может понравиться. Но поскольку это Лев Толстой, начальство делает вид, что им нравится... Жнейцеры знают это, вот и экранизируют всех подряд: всех этих устаревших толстых, лермонтовых, гончаровых...

— Печориных, — вставила Галина.

— Не смешно, — угрюмо посмотрел на нее Герман.

— Ну, а почему бы и тебе чего-нибудь не экранизировать? — предложила Галина, наклонив голову.

— Да я пытался, — напомнил Герман. — Но ведь все уже разобрано! Паразиты подсутились — на годы вперед забронировали решительно всю классику. «Войну и мир» забрал Бондарчук, «Преступление и наказание» — Кулиджанов, «Даму с собачкой» — Хейфиц... Даже смехотворные «Двенадцать стульев» — и те уже заняты Гией Данелией...

— Единственным талантливym из тобой перечисленных, — заметила Галина. — Ну, а мы-то с тобой в этом году что будем снимать?

— Не знаю пока, — процедил Герман и нервно зажег очередную сигарету. — Я уже пять сценарных заявок подал. Ни одна пока не одобрена... Да даже если и одобрят... Что дальше? К чему это приведет? Ну, сниму я еще одну картину. Ей опять дадут вторую категорию, и никто ее толком не увидит... А жнейцеры продолжат варганить свои дефективные «Воскресения»... И так всю жизнь.

— Неужели это никак нельзя изменить? — простонала Галина.

— Пока живы жнейцеры? — фыркнул Герман. — Исключено!

— Живы, говоришь, — повторила Галина. — А тогда знаешь что — убей Жнейцера!

— А что, это мысль, — хмыкнул Герман, выпуская дым из обеих ноздрей. — Очень неплохо было бы прикончить этого паразита... Только вот как?..

— Отрави его, — хихикнула Галина.

— Как Катя Маслова отравила купца? — усмехнулся Герман.

— Какая Катя? — не поняла Галина.

— Ну, эта, из «Воскресения»...

— А-а, — протянула Галина. — Что ж, вот именно так его и отрави. Поступи с ним, вдохновившись, так сказать, его же опусом.

— Гм, — только и произнес Герман, после чего надолго задумался.

Когда Галина уснула, он встал и, не включая свет, взял с полки томик Толстого. Герман помнил, что роман «Воскресение» находится в предпоследнем томе имеющегося у него собрания, поэтому не ошибся и выбрал на ощупь нужную книгу.

Затем Герман пошел на кухню, зажег там свет, присел, закурил и стал листать книгу.

Дойдя до интересующего его места, он стал жадно читать:

«...По возвращении Смелькова из дома терпимости в гостиницу “Мавритания” вместе с про-

ХЛОПУШКА С ПРИЦЕЛОМ

ституткой Любкой сия последняя, по совету коридорного Картинкина, дала выпить Смелькову в рюмке коньяка белый порошок, полученный ею от Картинкина...»

3

Следующим вечером кинорежиссер Жнейцер, уютно устроившийся в кресле за чтением журнала «Новый мир», услышал звонок в дверь.

«Кто бы это мог быть?» — недоуменно хмыкнул про себя Жнейцер и пошел открывать.

За порогом стоял его коллега Графов.

Жнейцер невольно поморщился. К Графову он относился с тщательно скрываемым презрением.

Однако врожденная деликатность заставила Жнейцера сделать вид, что он слегка даже обрадовался нежданному гостю.

— Г-герман? — с заминкой выговорил хозяин. — Какими судьбами? Ну что ж, проходи...

Герман вошел, закрыл за собой дверь и только потом сказал:

— Привет, Мойша!

Жнейцер снова недовольно поморщился. Он не любил, когда ему напоминали о его еврействе. Тем более что он давно сменил свое первоначальное имя Моисей на Михаил. А тут вдруг этот бесцеремонный Графов зачем-то напоминает об этом. Да еще с такой фамильярностью...

Но и в этот раз Жнейцер заставил себя промолчать. «В конце концов, я ведь действительно Мойша, — подумал он. — Именно так меня звали в детстве. А Графов... как бы я к нему ни относился, все-таки коллега. А у нас, режиссеров, чрезмерно церемониться в общении друг с другом не принято...»

— Здравствуй, Герман, — с запозданием ответил Жнейцер на приветствие Графова. — Так какими, говорю, судьбами?

— А ты как думаешь? — усмехнулся Герман и зачем-то подмигнул хозяину.

Жнейцер вконец растерялся:

— Да я, право, не знаю, что и думать... Ты скажи лучше прямо...

— Ну и скажу, — вновь усмехнулся Герман. — Чего здесь темнить-то? Я всего-навсего пришел поздравить тебя с успешной картиной.

— Да что ты? Seriously? — не поверил Жнейцер. Он впервые сталкивался с тем, что режиссер настолько радуется успеху коллеги, что даже приходит к нему домой сообщить об этом. «Нет, здесь что-то не так», — подумалось Жнейцеру. А вслух он добавил: — Впрочем, это разве такой уж успех?..

— Еще какой! — воскликнул Герман. — Вон — во всех газетах о тебе статьи...

— Ну, это еще ни о чем не говорит... — скромно пробормотал Жнейцер.

— Говорит, говорит, — уверил Герман. — Тебя еще и на фестиваль как пить дать пошлют. В Канны и в остальные тому подобные места...

ХЛОПУШКА С ПРИЦЕЛОМ

— Да ладно, — махнул рукой Жнейцер. — Ты уж, Герман, не преувеличивай...

— Может, поспорим? — предложил Герман.

Но спорить Жнейцер не стал. Он вдруг спохватился, что даже не предложил гостю сесть:

— А чего же мы стоим, не понимаю прямо... Пойдем, что ли, на кухню, чаю выпьем.

— Охотно, — обрадовался Герман.

Пока Жнейцер кипятил воду и заваривал чай, отлучившийся вымыть руки Герман вдруг вернулся с двумя бокалами, доверху наполненными чем-то темно-янтарным.

Жнейцер вновь испытал неудовольствие: «Зачем же он без спросу взял бокалы? Мог бы и меня попросить... У него совсем никаких манер. Впрочем, хорошо, что он вроде бы ничего не разбил там, в комнате. С него бы это случилось...»

— Сюрприз, — пропел тем временем Герман.

— Что это? — хмыкнул Жнейцер, кивая на содержимое бокалов.

— Коньяк! — триумфально воскликнул Герман.

— Вот как? — приподнял брови Жнейцер. — Я вообще-то не...

— Давай-давай, — поставив бокалы на стол, Герман хлопнул Жнейцера по плечу. — Сегодня надо. Не каждый день из недр «Мосфильма» выходят такие махины, как твое «Воскресение»...

Жнейцер хотел было возразить, что его картина вышла уже много дней назад, но опять промолчал и послушно сел за стол.

4

Герман тоже сел и торжественно поднял свой бокал.

Жнейцер вяло откликнулся, и коллеги чокнулись.

— До дна! До дна! — настаивал Герман, глядя, как Жнейцер чуть ли не с отвращением цедит его коньяк.

Жнейцер пересилил себя и допил-таки до дна. Затем выдохнул, вытер тыльной стороной ладони губы и изможденно посмотрел на Германа.

— А ты чего же? — кивнул он на бокал Германа, заметив, что тот к коньяку даже не притронулся.

— Я — сейчас, — ответил Герман, после чего поднял свой бокал и зачем-то посмотрел его на свет.

И тут же в один миг опустошил его.

После выпивки Герман заметно повеселел, тогда как Жнейцер, наоборот, несколько поник. Он сидел недвижно и глядел на гостя осоловелыми глазами.

— А какие у тебя, Мойшенька, творческие планы? — вдруг задушевно спросил Герман.

— Да вот, — произнес Жнейцер после паузы, — Катаева думаю поставить.

— Иди ты! — присвистнул Герман. — Неужто «Цветик-семицветик»?

— Нет, — поморщился Жнейцер. — Это... как его... «Время, вперед!».

ХЛОПУШКА С ПРИЦЕЛОМ

— Ясно, — хмыкнул Герман. — К пятидесятилетию Октября хочешь поспеть?

— Зачем? — возразил Жнейцер. — Я и раньше успею... До этого самого юбилея сколько еще...

— Ну, а непосредственно к юбилею еще чего-нибудь в таком духе снимешь? — усмехнулся Герман. — «Оптимистическую трагедию» там какую-нибудь...

— Да нет, — помотал головой Жнейцер. — Это мне как раз не нравится... Тем более Самсонов уже ставит... С Володиной своей, как всегда...

— Ну и что же? — неодобрительно отвечал Герман. — Я вот тоже Гортензи постоянно снимаю. Тебя и этот факт не устраивает?

— Нет, отчего же... — немного смутился Жнейцер.

— И потом, что значит «не нравится»? — хмуро продолжал Герман. — «Время, вперед!» тебе, что ли, нравится? Или «Воскресение» твое треклятое?

— Позволь, — начал возражать Жнейцер. — Я вообще всегда берусь только за то, что лично меня... Ой! — внезапно воскликнул режиссер. — Что это со мной?..

— Да, что с тобой? — осведомился Герман, почему-то улыбаясь.

— Плохо мне как-то. — Жнейцер схватился за живот. — Не надо было пить, наверно...

— Мне же нормально, — пожал плечами Герман.